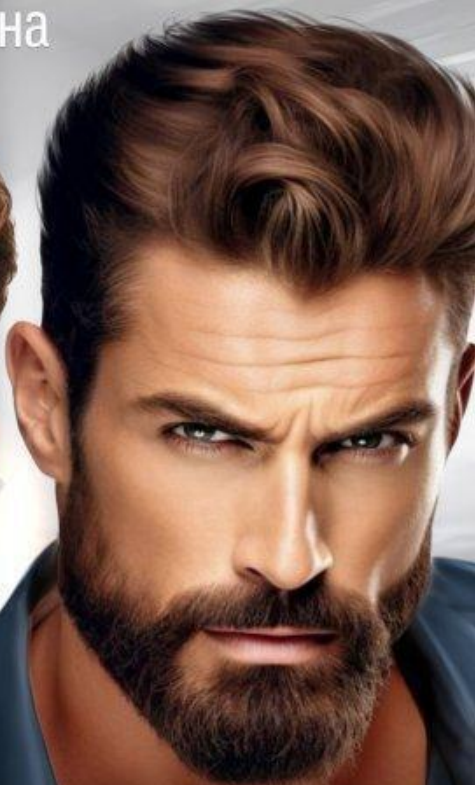

Лада Зорина

ИЗМЕНА

Мы встретились впервые

Лада Зорина

Измена. Ты встретил моложе

<https://litres.ru/74214222>

Аннотация

— Я влюбился, Свет. И не вижу смысла это скрывать. — В-влюбился?.. Это слово звучало в моих ушах как приговор. Муж смотрел на меня с мрачной решимостью: — Оправдываться не буду. Я не просил этой любви, не искал её и не хотел. Но влюбился. Пытался с этим бороться. Но понял, что бесполезно. По телу прошла дрожь, и я даже губу прикусила от накатившего отчаяния. — Просто влюбился, — прошептала я эхом. — И... и как же нам теперь быть?

Нам обоим за сорок. У нас замечательный сын-студент, престижная работа, налаженный быт. И я верила, что мы до сих пор любим друг друга. Но этот Новый год мой муж планирует встретить уже не со мной...

♥# властный мужчина ♥# молодая любовница ♥# очень эмоционально ♥# ХЭ

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	30
Глава 7	35
Глава 8	40
Глава 9	47
Глава 10	52
Глава 11	56
Глава 12	60
Глава 13	64
Глава 14	68
Глава 15	73
Глава 16	78
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Глава 1

— Ма, это правда! Я сам их видел!

Сашка... Сашке уже восемнадцать, а сейчас его голос дрожит и ломается, как у мальчишки. Эмоции захлёстывают его, и я понимаю, всё очень плохо. Сын не сочиняет, не приукрашивает, не врёт.

— Понятно, — произношу очень тихо, на выдохе. — Ты не подумай, что я не верю. Я просто...

Рёбра безжалостно стискивает, но вида не подаю.

Нельзя раскисать. Я не привыкла. Я всю жизнь только это и делаю — сохраняю лицо и держу спину прямо, что бы в нашей с Михаилом семейной жизни за эти двадцать лет ни случилось.

— Саш, ты только не переживай. Мы с отцом во всём разберёмся...

— Да в чём вы разбираться-то собираетесь? — сын отодвинул тарелку с нетронутым супом и всплеснул руками.

Он редко позволял себя такие открытые жесты. Увиденное сегодня потрясло его и сильно выбило из колеи.

И то, что я сейчас с предельной интенсивностью сосредоточилась на эмоциях сына, для меня не было чем-то странным. Всё как раз в пределах моей собственной нормы.

У всех свои методы и формы защиты. Моя — переключиться. Переключиться на что угодно до тех пор, пока я не

могу встретить вызов лицом к лицу. А я не могла — мужа всё ещё не было дома.

И чтобы не сломаться под грузом шока, мне нужно держаться, фокусируясь на чём-то другом. Переждать, перетерпеть, в который раз выстоять.

Ведь кто в нашей семье самый стойкий оловянный солдатик?..

— Как в чём? В том, что стряслось. Нужно выслушать, что скажет отец.

— Господи, да меня уже тошнит от твоей рассудительности! — сын вскочил из-за стола, уже не контролируя рвавшееся наружу негодование. — Ты думаешь, у них это вчера началось? Да он чёрт знает сколько тебе изменяет! Об этом уже все на моей кафедре судачат! Ты хоть представляешь, каково...

Он осёкся и сглотнул, чтобы не всхлипнуть.

— ...каково мне это, ма?

Я на мгновение прикрыла глаза, чувствуя, как внутри что-то надламывается с оглушающим хрустом. Понадеюсь, что это не хребет моей решимости лопнул.

— Нет, Саш, не представляю. Но осознаю, что тебе должно быть очень больно и обидно.

— Да я разорвать его на части готов!

— Почему же ты... почему ты только сейчас мне рассказал? — я подняла на сына сухой, воспалённый взгляд. — Почему только сейчас, если утверждаешь, что у них это давно?

— Так я не знал! Я сам ни черта об этом не знал! Не замечал ничего! Мне... мне сегодня Трофимова в лицо сказала, типа, а ты в курсе, что твой папаша сейчас в кабинете нашу преподашу по этике обжимает?

Слова вырывались из его ходуном ходившей груди рвано и нервно.

— Я... я охренел. Я с ней поругался. Сказал, что если ещё раз услышу... — он перевёл дыхание, его плечи вдруг опустились. — Но я как будто всё это время догадывался, но отчёта себя не отдавал. Я... не знаю, как объяснить. Ма, правда, не знаю.

А я знала. Потому что испытывала нечто похожее. Вот тут мы с сыном оказывались на одной волне. Смутные подозрения время от времени закрадывались в душу. Но я их гнала. Когда на глаза тебе не попадают улики и всё кажется в целом нормальным, кто захочет собственноручно рушить иллюзию счастливого брака?

— Саш, я тебя ни в чём не виню. Я просто спросила, чтобы как-то... чтобы понимать ситуацию.

— Нечего тут понимать, — сын отвернулся и выдохнул. — Трахает о её, понятно? Спит с девкой, которая почти вдвое младше него!

Я поморщилась от грубости, но слишком хорошо понимала, чем она вызвана, чтобы предъявлять претензии к выбору слов.

— Они же настолько жить друг без друга не могут, что

даже двери не заперли! А если бы не я вошёл, а? Если бы кто-нибудь другой в аудиторию сунулся?!

Кажется, я сейчас пребывала на той грани, за которой подобные вероятности большой роли особенно не играли. Самого факта подобной измены хватало за глаза.

— Послушай, давай мы...

Договорить я не успела. В прихожей сработал сигнал домофона — муж возвращался домой.

Моё сердце подпрыгнуло и перевернулось, забилося о рёбра, как сумасшедшее.

Господи, только бы самого безобразного сейчас избежать.

— Саш, Саш... — я схватила рванувшего было в прихожую сына за рукав свитера. — Не нужно! Я очень прошу тебя. Дай мне с ним поговорить. Ты же на взводе. Ты едва себя контролируешь.

Предполагаю, сын так яростно рвался разобраться с отцом, потому что успел посчитать, что поступил трусливо — заглянув в аудиторию и увидев преподавательницу в объятьях отца, он так растерялся, что просто попятился и умчался оттуда. С последних пар отпросился, где-то всё это время блуждал и явился домой, когда на улице начинало смеркаться.

А сейчас, распалённый разговором со мной, рвался взять реванш. Как следует отыграться.

— Саша, вы обязательно поговорите. Как мужчины. Но прошу тебя, — я с мольбой заглядывала сыну в глаза. —

Уступи матери. Я тебя очень прошу.

Моя мягкая сила сумела до него достучаться.

Сашка сжал кулаки, скрипнул зубами и... отступил. Рванулся в сторону спальни.

— Даю вам полчаса. Больше у меня не проси, — рыкнул он и хлопнул дверью.

Мужа я в прихожей встретила в одиночестве.

Он вошёл, бросил на меня взгляд и всё понял.

— Ну здравствуй, Миш, — я сложила на груди дрожащие руки. — Ты на работе столько времени пропадал?

Он невольно бросил взгляд на часы под старину, украшавшие столик для мелочи у входной двери.

— Нет, — качнул головой и небрежно смахнул снежок с воротника. — Нет, я был у неё. Извини. Задержался.

Друзья, приглашаю вас в мою новинку
 «Развод. Ты обещал, что не предашь»

Читать: <https://litnet.com/shrt/L3Lo>

— Альбина в беде, — процедил муж. — Я должен ей помочь.
 Я вспомнила те их нежности на парковке ... В груди защемило.
 — А какое тебе, к чёртовой матери, дело до её бед?
 — На этот раз вопрос личный, — выговорил он через силу.
 — Это личное касаться нас никак не должно!
 — Но касается, — отрезал Данила.
 — Как? — мой голос ослаб. — Каким образом? Говори, Гро-

мов!
 Данила поднял на меня больной взгляд:
 —
Когда мы с ней расставались, я не знал. Она мне ничего не
сказала.
 — Чего... не сказала?
 — Когда мы рас-
стались, Альбина была беременна. У меня есть сын, Ксения.
Ему семь.

 ♥# властный мужчина
 ♥# сложные
отношения
 ♥# очень эмоционально
 ♥# ХЭ

Глава 2

— Это... очень мило с твоей стороны — просить прощения за задержку, — хрипло пробормотала я.

Михаил стряхнул со своих могучих плеч пальто и раскрыл гардеробный шкаф. Он вёл себя совершенно обычно. Будто его совершенно не волновало, что постыдная правда раскрылась.

А главное, он понял все с полувзгляда. Видимо, Сашка не умчался из аудитории незамеченным. И если так, то всё ещё хуже, чем мне представлялось. Это значит, Михаил знал об открытии сына, но домой не поспешил, чтобы разобраться с последствиями своего разоблачения по горячим следам.

Выходит, его *вот настолько* не беспокоили эти самые последствия?..

— Пробки, — лаконично ответил муж.

То ли верить этому оправданию, то ли просто сделать вид, что проглотила это объяснение-отговорку.

А ему-то, интересно, есть до этого хоть какое-то дело? По виду, ни малейшего.

— И это единственное объяснение, которое я от тебя получу?

Муж задвинул зеркальную створку гардероба и наконец обратил всё внимание на меня:

— Уверен, этот вопрос — риторический. Я ведь сказал,

где именно задержался. Наверняка ты хотела бы получить от меня объяснения.

Михаил Воронов был не из тех людей, от которых стоит ждать заискиваний и оправданий перед оскорблённой женой, но и подобной циничной искренности я не ожидала.

И мне ведь казалось, за двадцать лет совместной жизни я успела узнать своего мужа настолько, чтобы ничему уже не удивляться...

— Очень пронизательное замечание, — я скосила глаза на его кожаную сумку, в которой он обычно забирал из офиса какие-нибудь бумаги и свой макбук.

— У тебя сегодня в университете новая встреча со студентами была или ты ездил исключительно к ней?

Если он думает, что меня его открытый выпад выбьет из колеи, то он, возможно, тоже не знал меня достаточно хорошо.

— Встреча была только одна. Больше пока не приглашали.

— Возможно, их не впечатлило твоё выступление.

Я развернулась, чтобы вернуться на кухню, и бросила через плечо:

— У нас с тобой всего полчаса на выяснение отношений. Поторопись.

— Почему полчаса? — муж последовал за мной не позволяя мне ни на миллиметр опустить плечи, ни на секунду — расслабиться.

И, наверное, я даже была за это ему благодарна. Стоило

мне всего на секунду почувствовать, что я могу вдохнуть и выдохнуть, как я тут же расклеилась бы. Нечеловеческое напряжение держало меня ровно до тех пор, пока я оставалась у мужа на глазах. И я ни за какие блага этого мира не доставлю ему удовольствия видеть мою слабость и мои слёзы.

— Потому что через полчаса из спальни выйдет наш сын и затеет с тобой драку.

Михаил опустил на стул за обеденным столом и кивнул.

— Как я и предполагал. Он помчался домой тебе докладывать.

— Ну, хоть кто-то домой поспешил.

Мои пальцы впились в мягкий бежевый кашемир домашнего свитера, и это единственное проявление настоящих эмоций, которое я могла себе позволить.

— Светлана, — муж поднял на меня спокойный взгляд.

— Присядь, пожалуйста. Раз уж нам предстоит серьёзный разговор, на которой у нас всего полчаса, давай не будем его начинать с ссор и взаимных упрёков.

Меня не могло не уязвить, что даже при всей моей железной выдержке супруг всё-таки счёл необходимым предупредить, чтобы я не скатывалась в вульгарщину. А когда я себе нечто подобное вообще позволяла?

Я — жена уважаемого человека. Того, кого принято называть столпом общества, уважаемым человеком, чья репутация может служить наглядным примером, как достигать успеха во всех областях жизни. Разве я могла позволить себе

истерики, скандалы и эгоистичные выходки? Нет, только не замужем за потомком профессоров и академиков, руководителем целого холдинга и бизнесменом, входившим в список отечественной финансовой элиты.

— Помнишь за мной что-нибудь в этом роде? За двадцать лет совместной жизни, — проговорила я идеально ровным голосом.

И вздёрнула вопросительно бровь, предлагая прямо здесь и сейчас привести хоть один пример моего поведения, которое стоило бы его порицания.

Михаил взгляд не отвёл. Смотрел на меня прямо и совершенно серьёзно.

— Нет. Ни единого случая. За это я всегда наш брак и ценил.

Вот так. В прошедшем времени.

— А сейчас, видимо, переоценка ценностей происходит, — кивнула я, проигнорировав его предложение сесть.

— Наверное, зачастую так и происходит, когда тебе переваливает за сорок.

— Наверное. Но не уверена, что у всех эта переоценка сопровождается ещё и сменой объекта желания.

Михаил в лице никак не изменился, но я заметила, что пальцы лежавшей на столешнице руки дрогнули, словно стремились сжаться в кулак.

— Светлана, я уверен, ты выше этого.

— Выше чего?

— Ты не станешь скатываться до банальной сцены ревности.

— Ты так уверен, что готов за меня поручиться?

Тлевшие внутри меня угли гнева получили богатую пищу для того, чтобы заняться в настоящее пламя.

— Вы слишком разные. Я тебя знаю, Светлана. В первую очередь ты для меня родной человек. А она... Алина вдохнула в мою жизнь нечто новое и мне пока неизвестное.

У меня даже дыхание перехватило от такой откровенности. Михаил не оправдывался, не каялся, не сожалел. Он безо всяких угрызений совести объяснял, почему после двадцати лет брака решил, что с верностью мне покончено.

— То есть... ты предлагаешь мне тебя не ревновать и... и принять твою измену как должное?

Михаил побарабанил пальцами по столу, но скорей задумчиво, чем нервозно.

— Как должное — нет. Как факт. Я влюбился, Свет. И не вижу смысла отрицать очевидное.

Глава 3

— В-влюбился?..

Это простое и понятное слово, произнесённое дважды, обрело какую-то новую, пугающую силу. Прекрасное слово, которое сейчас звучало в моих ушах похоронным звоном. Приговором всему.

И только сейчас мне стало понятно, что я до последнего на что-то надеялась. Не совсем понятно, на что. Скорее всего на то, что Михаил как минимум примется всё отрицать, а как максимум объяснит, что Сашка в запале всё не так понял. Что, возможно, он с этой их преподавательницей этики просто что-то обсуждал наедине, а сыну привиделось...

Не привиделось.

— Свет, мне нечем оправдать то, что случилось. Я не просил этого, не искал и не хотел. Понимаю, что это никак не снимает с меня ответственность, но это правда. Рационально это ничем не объяснить. Я просто влюбился.

По телу прошла заметная дрожь и я даже губу прикусила, чтобы не поддаться навалившейся на меня всем своим весом волне отчаяния и паники.

— Просто влюбился, — прошептала я эхом.

— Как мальчишка. Ничего не могу с этим поделать. Поначалу пытался с этим бороться. Но понял, что бесполезно.

У мужа неестественно ровный голос, будто он мне список

своих дел на завтра перечисляет. Он не бесстрастный и не безразличный, но какой-то... словно бы неживой.

Пытаюсь собрать все кусочки мозаики воедино, чтобы понять, как же я могла проморгать это событие? Говорят же, что женщины чувствуют. Исподволь изменения замечают. А что же я? Вот настолько толстокожая и нечувствительная оказалась?

— И когда же это произошло? — я заглянула мужу в глаза.
— Миш, сколько же ты так.. маешься?

Супруг слегка прищурился, видимо, пытаюсь определить, я маемой его влюблённость назвала по простодушию или всё-таки хотела его уязвить.

Но я сейчас пребывала в таком потерянном состоянии, что ни о какой язвительности и речи не шло. Я пыталась вернуть себе хоть какие-нибудь ориентиры. У меня почва из-под ног уползала. Ещё с утра ты понимаешь, кто ты, где ты и с кем ты, а вечером... вечером стоишь на обломках, по щиколотку в прогоревшей золе и не знаешь, куда идти со своего пепелища. Та жизнь, которая ещё утром казалась мне предельно знакомой, сейчас скалилась мне в похолодевшее от страха лицо неизвестностью.

— Мы познакомились, когда я приезжал к ним по приглашению. Пару месяцев назад. В конце сентября.

Пару месяцев... Вот уже пару месяцев он её знает и влюблён.

— И ты вот уже два месяца мне...

— Господи, нет, конечно! — впервые с тех пор, как переступил порог квартиры, муж утратил душевное равновесие. — Ты что, думаешь, я едва с ней познакомился и тут же на неё прыгнул?

Я прикрыла глаза, вспоминая, что Сашка мне рассказал.

Не тогда, не сразу, так вскоре после. Раз уж он посреди бела дня прямо в аудитории не смог своих рук от неё подальше держать.

— А теперь, спустя два месяца, ты к ней прямо в университет катаешься, посреди рабочего дня, — я сглотнула, угваривая себя не повышать голос, хоть от поднимавшегося в груди негодования он так и стремился сорваться на позорный фальцет.

Я слишком долго держалась. Но разговор с сыном пусть и запоздало, уже начинал сказываться.

— Я заглянул к ней, потому что универ был по пути. Свет, не нужно сгущать краски. Всё это... не сразу произошло. Постепенно.

— Постепенно? Каким, скажи на милость, образом? — вскинулась я. — Тебя же один-единственный раз на встречу со студентами пригласили! Или я чего-то не знаю? Или ты теперь там лекции взялся читать на полставки?

Михаил едва заметно поморщился, будто его покорила вульгарность подобных претензий.

— Нет. Никаких лекций я не читаю. Просто в день встречи я оставил Алине визитку.

Я схватила ртом воздух.

— О... так это даже... это у вас любовь с первого взгляда?

Михаил прихватил пальцами переносицу и, ущипнув, снова поморщился, будто перестарался.

— Не думал, если честно, что мне придётся в такие рассказы пускаться. И не вижу причин, по которым нам стоит эту тему обсасывать.

Оторвав взгляд от столешницы, он поднял глаза на меня, и я не увидела в их карих глубинах даже намёка на сочувствие. Только усталость от необходимости, вернувшись домой, вести этот тяжёлый разговор.

— Но если тебе так хочется знать всё в подробностях... Я вручил Алине свою визитку, потому что мне захотелось оставаться на связи. Она была одним из организаторов этой встречи, и мне понравилась её исполнительность, внимательность к деталям и...

— Она сама, — дополнила я, будто решила сама вбить последний гвоздь в крышку гроба нашего брака. — Ты уже даже переусердствовал с объяснениями. Она сразу тебе понравилась, и ты сунул ей свою визитку в надежде увидеться снова. Раз уж в универ тебе больше незачем было ездить. Вот так у вас всё и случилось, верно я понимаю?

Михаил помолчал, но потом с безразличием пожал плечами:

— Ну хорошо. Если чистая правда тебя утраивает, то да. Примерно так всё и было.

— Ясно, — шепнула я. — И ты так и продолжил бы жаться с ней по аудиториям, если бы наш сын вас не застукал.

Взгляд мужа тут же потяжелел.

— Свет, я понимаю, что тебе больно всё это слышать, но не стоит эту боль переваливать в яд. Само собой, долго так не могло продолжаться. Я планировал...

Он вдруг в несвойственной ему манере кашлянул, прочищая горло.

— Я не планировал отмечать новогодние дома. Собирался обо всем тебе рассказать...

— Когда? — вклинилась я. — В середине месяца меня огорошить? Или прямо на 31-е? Вместо подарка.

— Светлана...

— Ваши полчаса истекли, — мрачно оповестил с порога Александр. — Мне тоже есть что сказать.

Глава 4

— Саша... — я впиалась умоляющим взглядом в сына.

Он стоял на входе в кухню — входить не спешил, но видно было, что скорее сдерживался, чем робел. Нет уж. Никакой робости не было и в помине. Он сверлил взглядом отца, словно молча требовал от него начинать оправдываться прямо сейчас, пока ещё не слишком поздно.

Я, может, и не могла наверняка предугадать, что у сына на уме, но материнское сердце чуяло, что никаких поблажек отцу не стоило ждать.

— Выходит, ты уже всё решил?

Михаил устремил на сына взгляд, полный непоколебимого спокойствия. И я с разрывающей сердце болью наблюдаю за тем, как прямо у меня на глазах беззвучно рушилась крепчайшая связь отца и сына.

Сашка всегда смотрел на родителя снизу-вверх, с уважением и непоколебимой верой в правильность всего, что делает и говорит его отец. Но то, свидетелем чему он стал сегодня, что-то в нём надломило, заставило весь его мир, центром которого был отец, перевернуться.

— Александр, прошу тебя, не выдёргивай мои слова из контекста. Мы с твоей матерью ещё ничего как следует не обсудили.

Мне показалось, в его голосе прозвучал едва уловимый

упрёк в сторону сына, мол, ты поспешил покинуть свою комнату и вклиниться в разговор.

— Ничего, — Сашка с насквозь фальшивой беспечностью дёрнул плечом. — Весте со мной обсудите. Или я ещё *недостаточно взрослый* для того, чтобы участвовать в родительских разговорах?

— Саша, никто этого не говорит...

— Это упрёк? — прервал мои оправдания муж.

Сашка вздёрнул острый подбородок.

— Это вопрос. Я же могу вопросы тебе задавать? А то у меня их поднакопилось.

Я видела, как по крутой, заросшей тёмной щетиной челюсти мужа прокатился желвак. Для того, чтобы основательно вывести его из себя, нужно было ещё постараться. Михаил свято верил в то, что масштаб личности характеризует величина проблемы, способно её раздражить. Но тут всё же другое. Тут в дело вступало слишком уж личное. И тогда я ещё даже не подозревала, насколько.

Хотя мне-то казалось, я уже всё поняла...

— Тогда не стесняйся, — не меняя тона, предложил Михаил. — Задавай свои вопросы. Наш с матерью разговор продолжёт.

Сашка так и вспыхнул от ироничных ноток в голосе отца.

А меня вдруг охватило странное ощущение, что меня стремительно и незаметно исключили из этого разговора. Отец и сын будто перестали замечать что-либо и кого-либо,

кроме друг друга.

— Ты думаешь, я не осмелюсь? — усмехнулся Саша с такой горечью, что моё сердце нестерпимо заныло. — Знаешь, после того, что я сегодня увидел, как-то уже и нечего опасаться.

— Мне жаль, — губы Михаила вытянулись в скорбную линию. — Жаль, что всё вышло именно так. Никакой отец, если он в своём здравом уме, не захотел бы разочаровывать сына.

— Но вы с Алиной Сергеевной так увлеклись, что просто наплевали на любую предосторожность, — хмыкнул сын. — И даже не подумали о том, какие последствия ваши обжигания в незапертой аудитории могут повлечь за собой — и для вас, и для меня, и... вообще!

В отчаянии он взмахнул рукой в сторону меня, давая понять, что я тоже включена в этот скорбный список.

Рука Михаила, покоившаяся на столешнице, сжалась в кулак.

— Ты с себя-то всю ответственность за это не складывай. Ты мог бы проявить рассудительность и промолчать.

Я втянула в себя воздух, переживая этот невидимый, но оттого не менее болезненный удар.

Сашка вытаращился на отца. Его ноздри затрепетали.

— Ты считаешь, я должен был тебя покрывать? — он метнул на меня короткий взгляд и тут же отвёл его, будто ему было больно сейчас смотреть на меня. — Должен был пре-

твориться, что ничего не произошло?

— Я считаю, перед тем как вываливать своё открытие на мать, тебе стоило взвесить все за и против, обдумать свой поступок как следует.

— И выиграть тебе время? — презрительно бросил сын. — Обеспечить тебе возможность всё подготовить и комфортно уйти на собственных условиях, так? Я же слышал, что ты маме сказал! Ты собираешься провести новогодние праздники с ней!

На последнем слове его голос сломался, царапнув меня по самому сердцу.

— Раз уж у нас здесь разговор двух взрослых людей, предлагаю обойтись без излишней эмоциональности, — холодно отозвался Михаил. — Мои планы на праздники оставим за скобками. Речь сейчас не о них.

— Вот как? — не сдержалась я. — А как у тебя получается разграничивать эти вещи? Твои планы нас уже не касаются?

Муж посмотрел на меня с лёгкой досадой. Словно он предпочёл бы вербальный спарринг с сыном, только бы не продолжать наш разговор.

— Я всего лишь не хочу мешать всё в одну кучу. У Александра ко мне вполне конкретные претензии. Об истинной природе которых ты, Светлана, вряд ли догадываешься. А у нас с тобой... нам с тобой нужно решить, как без лишней нервотрёпки пережить этот сложный период.

— Пережить?.. — нахмурилась я. — Не уверена, что по-

нимаю, о чём ты.

Михаил едва слышно постучал костяшками пальцев по затянутой скатертью столешнице.

— Никому из нас скандалы сейчас не нужны. Ни мне, ни тебе, ни... никому.

— О-о-о... — выдохнула я и услышала, как громко фыркнул Сашка.

Он, конечно, тоже всё понял.

— Так ты хочешь свою новую любовь от этой маеты ограбить?.. Как это... благородно с твоей стороны.

— Ни черта у тебя не получится! — прорычал сын от порога. — Ни черта не получится! Это понятно? Если ты собираешься и дальше к ней таскаться, об этом все будут знать! Это я тебе обещаю!

Глава 5

— Александр, — в голосе мужа зазвучал металл. — Немедленно прикрути свой инфантилизм.

— Не указывай, что мне делать! Ты лишился этого права, когда спутался с ней!

Я обалдело переводила взгляд с мужа на сына и обратно. Впервые я видела, чтобы они с такой неприкрытой ненавистью обращались друг к другу.

— Послушайте... — начала я, но муж коротким, повелительным жестом заставил меня замолчать.

— Светлана, прошу тебя, не лезь. Не мешай сыну высказать всё, что у него наболело.

Его интонации ложились так ровно и гладко, что мне сложно было сейчас разобрать, проскальзывала ли в его голосе ирония или это просто мне сейчас во всём, что он говорил, чудилось второе дно.

— Я в твоём патронаже не нуждаюсь, — выплюнул сын. — Особенно перед матерью!

— Ага, — прищурился Михаил. — То есть о матери ты всё-таки не забыл. Или это у тебя выборочно работает?

Сашка сверкнул глазами, уязвлённый наблюдательностью отца.

— А ты, можно подумать, о ней пёкся, когда с женщиной почти вдвое моложе себя спутался!

Я буквально почувствовала, как подобрался муж, словно лев перед прыжком. Наверное, эта его молчаливая, полная невысказанной угрозы реакция заставила меня выбраться из моего невольного паралича.

— Немедленно прекратите, — мой голос сел от эмоций, которые я безуспешно пыталась в себе погасить. — Вы... совсем с ума посходили! Ведёте себя так, словно вот-вот друг другу в глотки вцепитесь!

Ни сын, ни муж не обратили на мои слова никакого внимания. Они продолжали уничтожать друг друга взглядами, будто ни тот, ни другой не в состоянии были разорвать эту невидимую связь.

— Это... безобразно, — выговорила я. — Всё это... какой-то горячечный бред! Мало мне самого факта, так вы ещё хотите и мордобой устроить? Если вы действительно хоть немного думаете об о мне, немедленно прекратите эту склоку!

Только когда я повысила голос, Михаил едва заметно ослабил мышцы, позволив мне надеяться на то, что они с сыном не сцепятся, как два дворовых пса.

— Я не буду мириться с тем, что происходит, — упрямо процедил сын, не сводя напряжённого взгляда с отца. — Даже не проси, ма.

— А что происходит? — поинтересовался Михаил. — Всё, что наблюдаю я, это бесполезное сотрясение воздуха неуравновешенного подростка. Которое в первую очередь

расстраивает мать.

— А тебя это, значит, никак не трогает? — ощерилась я. Супруг бросил на меня косой взгляд.

— Я привык к форс-мажорным ситуациям. Для того, чтобы вывести меня из себя, потребуется приложить намного больше усилий.

Меня неприятно полоснуло его представление обо мне, как о слабом звене в нашей семье. Да и что это за лицемерие? Кому сдалась эта насквозь фальшивая забота?

А вот неприятности в окружении этот скандал нам мог принести, и Михаил не мог этого не понимать.

— Ты считаешь, что со своими деньгами и статусом ты такой уж неприкосновенный? — выплюнул сын. — Ты же всегда учил меня не полагаться не на что внешнее, потому что это всё наносное. Говорил, что важнее всего — порядочность и честность! А сам...

Он запнулся, и на его высоких скулах расцвели красные пятна.

— Ты ещё не дорос до того, чтобы всё понимать, — бросил отец. — Но придержи свои пламенные речи о том, как ты во мне разочаровался, при себе. Возможно, пройдёт пара-тройка лет, и ты о них пожалеешь.

— Довольно! — я резко встала из-за стола, пусть ноги сейчас и были ватными.

Вцепившись в столешницу, я смотрела на это поле необъявленной битвы, на её разъярённых бойцов.

— Хватит этого безобразия! Пройдёт время, и вы оба пожалеет о том, что устроили!

— Пожалею? — вскинулся сын. — Он тебе бессовестно изменяет, а ты...

Он замолчал, встретившись со мной взглядом, но лишь на пару мгновений.

— ... ты не имеешь права его прощать.

— Кто тебе сказал, что я собираюсь? — спросила я со всем спокойствием, на которое только оказалась способна.

— Не припомню, чтобы за это я просил у тебя прощения, — отметил муж. — Я уже объяснил, что не выбирал такой ход событий. Это от меня не зависело.

Сашка фыркнул, демонстрируя полное пренебрежение к словам отца.

— Мам, ну ты ж видишь, куда он клонит? Он даже не раскаивается! Ни она, ни он!

Я бросила взгляд на сына, но не стала цепляться за его последнюю фразу.

— Я всё слышу, Саш. Всё слышу и всё понимаю. И благодарна тебе за то, что всеми силами пытаешься меня защитить. Но от такого защитить невозможно. Нам всем просто придётся это пережить. Оставь нас на минутку, пожалуйста.

Сын собирался возразить, но я снова на него посмотрела, и он отступил. Бросив на отца последний, полный ненависти взгляд, круто развернулся и вышел.

Тело начинало подрагивать, и я опасалась, что долго на

ногах не продержусь.

Пора заканчивать это светопреставление.

— Совсем распоясался, — пробормотал Михаил, продолжая сканировать дверной проём, в котором ещё минуту назад маячил Александр. — Кажется, ему слишком многое в последнее время сходило с рук.

— Тебе, видимо, тоже, — сейчас я смотрела на мужа сверху вниз, и это каким-то образом добавляло мне уверенности.

— Что ты имеешь в виду? — за вежливыми интонациями прорезалась неприязнь.

— Я так беззаветно тебе доверяла, что даже мысли не могла допустить... А ты не только открыто и прямо заявил мне, что продолжая жить со мной в браке, любишь другую, но ещё, оказывается, и не испытываешь по этому поводу никаких угрызений совести.

— Это претензия, Свет? Претензия к моей честности?

— Нет, Миш, — я печально покачала головой, чувствуя, что она начинает раскалываться. — Претензии предъявляют кому-то, кому имеют право их предъявлять, а я... я больше никаких прав на тебя не имею. Поэтому... уходи.

— А это не тебе, Светлана, решать.

Глава 6

— Светлана, это не тебе решать.

— Что, прости?..

А я-то надеялась, что предварительно мы во всём разобрались. В конце концов для чего и затеян весь этот разговор? Чтобы прояснить ситуацию и обозначить точку в нашей совместной жизни длиной в двадцать лет.

И тут на тебе... не мне решать.

— Сегодня я паковать чемоданы не собираюсь, если ты вдруг подумала, что я вернулся домой рассориться с вами и вещи собрать.

— То есть предлагаешь не торопиться? — с горькой иронией уточнила я. — будешь апеллировать к нашей интеллигентности или... или к чему, Миш? К нашему публичному образу? Тебе резких движений делать не рекомендует твоя пиар-команда, а мне, как лицу нашего благотворительного фонда, могут попенять. Это, считаешь, настолько весомые для нас аргументы?

— Всегда ценил в тебе это, — задумчиво отметил супруг.

— Твоё умение трезво оценить обстановку и даже спрогнозировать вероятные последствия.

Я стиснула зубы.

— Я не выпрашивала у тебя комплимент! Разве ты сам не понимаешь, что это отразится на публичном имидже?

Твоя свита вечно тебе об этом талдычит, разве нет? Думай в первую очередь о том, как это отразится на твоём реноме. Или...

Я сглотнула перегородивший горло ком.

— ...или ты действительно настолько голову потерял, что на этот раз тебе даже мысль такая в голову не пришла?

Михаил с отсутствующим видом смотрел куда-то перед собой.

— Не знаю, намеренно ты это делаешь или это сейчас обидка в тебе говорит, только мои новые чувства автоматически не перечёркивают двадцать лет брака.

— Нет? — удивилась я, не сумев вытравить язвинку из голоса. — А как же это тогда так интересно работает? И как нам теперь быть? Ты собираешься жить на два дома? Если это действительно твоё намерение, Миш, то я тебе сразу скажу — на подобное унижение я не согласна. Хватило уже и того, что ты мне сообщил!

Муж перевёл дыхание, как будто собирался что-то мне на это ответить, но потом передумал.

— Знаешь, Свет, как минимум в одном ты права. Хватит с нас на сегодня. Разговор ещё не окончен, нам многое предстоит обсудить и решить. Давай договоримся до поры сор из избы не выносить. Оставим это между нами.

— А не поздно? — я убрала тарелку с остывшим супом со стола, почувствовав укол безотчётной тревоги за сына, до того сытого узнанным, что даже ужинать отказался.

— Ты о Сашке?

— И о нём, и... он сказал, в его универе ваша любовь уже и не новость. Видимо, там все уже знают, что владелец заводов, газет пароходов Воронов воспылил чувствам к молодой преподавательнице этики...

— Слухи, — перебил меня муж. — Всё это из разряда слухов. Кто-то что-то видел, что-то где-то слышал. Всерьёз эту информацию никто не принимает.

— Тебе видней. Уверена, твоя свита держит ситуацию под контролем, — я отвернулась к мойке, сунув заледеневшие пальцы под струи тёплой воды. — Ты и сына собираешься под колпак затолкать?

Немые слёзы уже вовсю катились по моему лицу, но я их даже не отирала. Просто делала вид, что вожусь в мойке и позволяла им, скатываясь по щекам, смешиваться с тёплой водой.

— Уверен, Александр проявит благоразумие. И постараюсь как можно скорее решить все вопросы, связанные с потенциальным информационным шумом.

— Успехов, — прогундосила я.

Нос уже заложило, и я очень надеялась, что это конец разговора.

— Свет... — тихо позвал он, но я не повернулась.

— ...мне жаль. Я не хотел, чтобы всё так сложилось.

— Мне тоже, — обозначила я одними губами, но уверена, за шумом воды он этого не услышал.

— Обещаю, в ближайшее время мы решим, что делать дальше.

Тут уж я не сдержалась и замотала головой.

— Решать тут нечего, Миш. Я прямо сейчас могу тебе предсказать, что мы сделаем дальше. Всё просто. Мы, конечно же, разведёмся. И это не обсуждается, я неволишь тебя не собираюсь. Уходя — уходи. Организацию оставляю на тебя. Тебе же важно лицо сохранить и терять тебе есть что, а нам ещё сына учить, поэтому... я тебе палки в колёса ставить не буду.

Мне всё-таки пришлось прерваться и отереть тыльной стороной ладони залитое слезами лицо.

— Как пожелаешь, — тихо отозвался супруг, и я услышала, как скрипнули по плитке ножки стула.

Как пожелаю... Ничего из этого я не желала! Но разве он оставил мне выбор?

— Сына... не трогай, — попросила я. — Оставь его на какое-то время в покое. Вам обоим нужно порядком остыть, прежде чем вы сможете адекватно друг с другом общаться. Нам только мордобоя до полного счастья не хватало.

На это муж ничего мне не ответил — вышел из кухни, оставив меня один на один с моим неожиданным горем. Наверняка зайдёт в дальней комнате, служившей ему кабинетом, и не выйдет оттуда, пока все не разбредутся спать. Сегодня я ничего не имела против подобной стратегии, даже приветствовала её.

Мои плечи тут же ссутулились. Я обессиленно упёрлась ладонями в дно раковины и всхлипнула несколько раз, пытаясь набрать в лёгкие воздух.

Слёзы заструились сильнее, но я позволили себе всего несколько минут слабости.

Нужно проверить, как там голодный и разбираемый эмоциями сын. За него у меня душа болела не меньше, чем за себя. А может, даже и больше.

Поэтому открыв ледяную воду, я умылась и, пригладив волосы, отправилась в спальню к сыну.

— Саш. Это я. Можно войти?

— Можно, — раздалось приглушённое после паузы.

Я нажала на ручку и с замиранием сердца переступила порог его спальни. Я собиралась получить подтверждение подозрениям, которые вспыхнули у меня, когда они с отцом в пылу ссоры пытались уничтожить друг друга.

Глава 7

— Не хотела тебя беспокоить...

Я вошла и тихонько притворила за собой дверь

Сын лежал на своей постели, отвернувшись к стене, и это было исключительно непривычной для меня картиной. Мало того, что современная молодёжь скорее уткнётся в свой смартфон и будет бездумно листать какие-нибудь соцсети, чтобы занять свои беспокойные мысли. Так ещё и Саша в последний раз вот так что-нибудь переживал, наверное, ещё в школе. Я уже и не припомню, когда в последний раз видела его лежащим без движения лицом к стене, будто он пытался таким образом отгородиться от всего остального мира.

— Ничего страшного, — пробормотал он, и в его севшем голосе я слышала остатки раздражения и гнева.

Знала, что относились они не ко мне, но сердце всё равно невольно сжималось от тоски и боли за сына.

И дело не только в том, что я за него переживала и волновалась по поводу их с Михаилом конфликта.

Нет, дело не только в этом.

— Саш, послушай... я понимаю, как всё это сложно и тяжело.

Тихонько выдвинула стул из-под столешницы его письменного стола с полками и осторожно опустилась на него, выдохнула.

Дышалось сейчас как будто полегче. Страшная тяжесть, конечно, никуда из сердца не испарилась, но я радовалась уже хотя бы тому, что сын не полностью ото всех отгородился и с порога меня не погнал.

— Мам, не нужно меня утешать, — попросил он, не спеша поворачиваться ко мне. — Тебе и самой плохо. Думаешь, я не понимаю? И меня это бесит!

Он стукнул кулаком по подушке, и я невольно вздрогнула, только сейчас осознав, что гнев его, оказывается, совсем не притих. Просто он не хотел его при мне демонстрировать.

А значит, вероятность перехода их с отцом перепалки во что-нибудь серьёзное сохранялась. А ещё состояние сына подтверждало мои опасения.

— Саш, я понимаю. По крайней мере думаю, что понимаю. Мы сейчас... у нас сейчас у обоих душа не на месте. Но нельзя скатываться в слепую ярость. Нельзя превращаться в варваров и дикарей.

— А что можно? — моя примирительная фраза заставила сына крутнуться на месте, повернуться ко мне и приподняться на локте.

Я с замиранием сердца заметила следы от высохших слёз на его бледных щеках. Длинные чёрные ресницы слиплись в стрелочки, но он ни за что не признается, что предательство отца заставило его плакать.

— Что можно, мам? — спросил он настойчиво. — Может, нам нужно понять его и простить? Ну, чтобы скандал не раз-

дувать!

— Я этого не говорила, — сказала я тихо и спрятал взгляд.
— Саш, я не это мела в виду.

— Так а зачем ты тогда пытаешься во мне терпимость воспитывать? Отец поступил как последний предатель! Подло, по-свински! И ещё скажи спасибо, что я предпочитаю при тебе не материться! Иначе я бы сказал, что на самом деле думаю о том, что он творит!

Я сглотнула.

— Так мы никому лучше не сделаем. Себе так уж точно,
— мягко возразила я. — Саш, я сейчас могу только о себе говорить. Мы с твоим отцом двадцать лет вместе, но количество лет, прожитых в браке, не гарантия его крепости. Ты же взрослый уже человек и должен всё понимать.

Сын вытаращился на меня, оттолкнулся локтем от постели и сел.

— Ма... ты только... не смей говорить, что ты его *оправдываешь*! Оправдываешь его свинское к тебе отношение!

Я покачала головой в ответ на его искреннее негодование.

— Нет, Саш, я не об этом. Я просто к тому, что это уже и не важно, что им руководило и как конкретно он поступил. Если он увлёкся кем-то... как правило, от добра добра не ищут. А значит, наша совместная жизнь больше его не устраивала. Вот первопричина. А это значит, что не измена, так что-нибудь другое послужило бы триггером.

Сын прищурился, будто пытался разглядеть за моими сло-

вами до сих пор скрытую истину:

— Ма, ты это мне объясняешь или просто себя уговариваешь? Если всё-таки для меня стараешься, то просто пойми, что на меня твои уговоры сейчас не подействуют! Отец намерено рушит семью, и я не собираюсь молчать, понятно? Если он так с тобой поступает, то почему я должен сидеть сложа руки?

Нет, всё-таки у меня пока не получится его уговорить.

— Саш, если ты предашь огласке его интрижку, ты вряд ли добьёшься эффекта разорвавшейся бомбы. Ещё и нам никак жизнь не облегчишь. Пожалуйста, не поступай опрометчиво. Пострадать могут все.

— А мы-то с тобой как пострадаем? — вскинулся сын. — Ты разве не жертва его предательства? Тебя-то за что осуждать?

— Никто не будет докапываться до истины. Для посторонних наша семейная драма — только повод лишний раз кости нам перемыть. Подумай об этом.

— А я не хочу думать! — выверился сын. — Я хочу его мордой в его поступки ткнуть! Сам-то он мне только и втемяшивал, мол, мужчина должен помнить о порядочности, должен быть честным, должен за свои слова отвечать! А сам? Сам он почему этим заповедям не следует?!

Все эти вопросы, по справедливости, он, конечно, должен был отцу задавать. Но не получится у этих двоих в ближайшее время конструктивного диалога. И не только потому что

ни один, ни другой не готов давать слабину и проявлять хоть какую-нибудь мягкость. Нет, дело далеко не только в этом.

— Саш, но ты ведь в ярости на отца не только потому что, он мне изменил, — сказала я тихо и заглянула сыну в глаза. — Верно ведь я понимаю? Дело не столько в том, что он мне изменил, сколько в том, *с кем именно*.

Глава 8

— Мам...

В глазах сына мелькнуло что-то такое... похожее на сожаление. Кажется, наступал тот самый момент, когда он начал понемногу приходить в себя и уже не стремился к тотальной откровенности.

И тормозила его не просто смена настроения, а конкретные соображения.

— Только не нужно запоздало сожалеть о том, что вся эта каша заварилась. Саш, ты всё сделал правильно. Представь, каково бы тебе пришлось таскать в себе эту правду. Смотреть мне в глаза и притворяться. Ты поступил как порядочный человек. Ты поступил правильно. И теперь всё, чего я у тебя искренне прошу — это не останавливаться на середине. Если уж ты начал рассказывать мне, расскажи всё.

Сын колебался. А я теряла последние драгоценные секунды, когда её могла рассчитывать на то, что за него скажут эмоции.

— Кто она, Саш?

Он зыркнул на меня исподлобья, понимая, что я уже не отстану. В конце концов именно за этим я в его спальню и пробралась. Мне нужна дополнительная информация. Я должна понимать, с кем имею дело, и исходя из этого решать, какие шаги дальше предпринимать.

— Преподавательница этики. Ты же уже знаешь. Шаповалова Алина Сергеевна.

— Я не её паспортные данные спрашивала. Не думаю, что они мне пригодятся. Кто она тебе, Саш?

Сын понял, что отпираться уже бесполезно. Сглотнул и отвёл взгляд.

— Никто.

— Ох... я... я понимаю.

— Уверена? — почти огрызнулся он и тут же виновато покачал головой. — Извини. Я... я просто на взводе.

— Ничего. Я всё понимаю. И как давно ты страдаешь по тому, что она тебе никто?..

Сашка дёрнул плечом, словно хотел заставить меня поверить в то, что его это не сильно заботит.

— Не считал. Не знаю. Её нам ещё в прошлом году поставили.

Господи...

То есть сына ранило ещё и то, что у него чувства к этой Алине Сергеевне вспыхнули задолго до того, как она с его отцом познакомилась.

Теперь куда яснее становилась исключительная горячность, с которой Александр нападал на отца. А я ещё явственнее почувствовала себя лишней.

— Саш, всё это... всё это сложнее и запутаннее, чем можно было представить.

— Думаешь, я этого сам не понимаю? — вяло огрызнулся

сын. — И меня просто наизнанку выворачивает от того, что теперь ещё и ты во всё это дерьмо вмешана. Просто потому что по-другому не получается!

Я прикрыла глаза, не находя сил ни возразить ему, ни утешить. Держалась я сейчас только лишь потому, что меня удерживало беспокойство за сына. Оно оказалось сильнее боли моего разбитого сердца.

— Вряд ли мы сейчас можем что-то конкретное предпринять. Нет, Саш, выслушай, — поспешно добавила я, видя, что сын собирается мне возразить. — Ответь себе честно, исходя из того, что ты увидел там, в аудитории... у них ведь это взаимно?

От боли, наполнившей его взгляд, мне сделалось не по себе.

— Твоё молчание я принимаю за утвердительный ответ. А раз это та, раз у них это всё обоюдно... лезть туда нечего. Пусть сами со своими чувствами разбираются. Наша забота — подумать о себе. Ты слышишь?

— А как ты собираешься это делать, ма? Заткнуться и делать вид, что у нас всё в порядке?

Я видела, что сын с моим мнением не согласен и готов его оспаривать, даже не считаясь с моим нынешним состоянием. Он-то в первую очередь примерял эту ситуацию на себя.

— Саш, если завтра ты развернёшь против родного отца изобличающую кампанию, кому от этого станет легче? Ты ведь не только ему навредишь. Мы до сих пор одна семья,

нравится нам это или нет.

— Ну да, а я всего лишь тупой подросток, с мнением которого можно не считаться!

— Я понимаю, как тебя это ранило...

— Да ничего ты не понимаешь, ма! — Сашка вскочил с постели и заметался по комнате. — Я... я жить без неё не могу! Я без неё задыхаюсь! И представлять, что она спит с моим же отцом!..

На последнем слове он задохнулся и побагровел. Сжал в кулаки дрожащие пальцы.

— Не проси меня с этим мириться, понятно? Я всё равно поступлю так, как считаю нужным! А он пусть теперь башкой своей подумает, а не тем, что у него там проснулось, когда он с ней познакомился!

Из спальни сына я вышла измотанная и разбитая. Мне казалось, сердце у меня сейчас саднило по-настоящему. Будто что-то в нём надорвалось и теперь дрожало ослабевшей струной.

Я не знала, что делать и к чему готовиться. Вся наша удобная, спокойная, упорядоченная жизнь полетела в тартарары за один вечер.

Я пересекла коридор и собиралась ненадолго спрятаться в пока ещё супружеской спальне, когда дверь в его дальнем конце отворилась и на пороге возник Михаил.

— Ты говорила с сыном?

Я не могла проигнорировать прямо заданный вопрос.

— Говорила.

— И до чего вы договорились?

Голос мужа звучал требовательно, словно ничего между нами особенного и не произошло. Хозяин дома требует отчёта от своих домочадцев.

— До того, о чём ты мне рассказать не догадался.

На лицо мужа набежала туча. Видимо, сообразил, о чём идёт речь. Ну вот, для них обоих корень вражды очевиден, а меня словно выкинули на мороз. И если сыну я могла эту недосказанность в итоге простить, потому что он явно не хотел втягивать меня в их гадскую междоусобицу, то что же мешало моего благоверному посвятить меня в тонкости их конфликта? Он, кажется, не сильно меня жалел, когда на голубом глазу заявил, что любит другую.

— Откуда вдруг такая щепетильность, Миш? — я выгнула бровь, пряча за сарказмом боль. — Это трусость или просто нежелание заикливаться на деталях?

— Я не посчитал это важным, — отрезал он, хотя невооружённым глазом было видно, что его задела мои предположения.

— Вот как? Чувства сына для тебя не значат вообще ничего?

— Это не чувства. Это бушующие гормоны. Не там чувств.

— Точно, — кивнула я. — Чувства могут быть лишь у тебя. Или не быть. Как в нашем с тобой случае.

— Свет, ты хочешь продолжения ссоры?

— Я хочу развестись, — наконец-то озвучила я созревшую мысль. — Что бы там в ближайшее время не выкинул Сашка, а я хочу развестись и больше не иметь никакого отношения ни к тебе, ни к твоим чувствам.

Дорогие читатели,

в ожидании новой главы приглашаю скоротать время за чтением одной из моих завершёнок.

«Предатель. Я не отдам тебе сына»

Читать: <https://litnet.com/shrt/SSat>

— Ребёнок? — насмешка в голосе мужа рвёт мне сердце.

— Да боже упаси! Я не собираюсь жизнь себе портить.

— А жена тебе тогда зачем? — хихикает девица.

— Для солидности, — хмыкает муж. — Да и я к ней как-то, знаешь, привык.

Мой взгляд застилает алая пелена.

Распахиваю двери. Едва держусь на ногах от боли и шока.

Девица в постели мужа взвизгивает.

— Катя, какого... — потрясение в его голосе смешивается со злобой.

— Привычка, значит? — выдыхаю. — Привычки свои придётся менять!

Разворачиваюсь и бегу:

— Стоять, Катерина! — несётся мне в спину.

Я не слушаю его. Я бегу от предателя-мужа, чтобы начать новую жизнь. Растя сына, которого носила под сердцем.

Но и эту жизнь мой муж грозитя разрушить...

Глава 9

— Развестись, — повторил он без вопросительных ноток.

Светлана смотрела на него открыто и твёрдо. От него не могли укрыться ни бледность щёк, ни припухшие и покрасневшие веки. Но сейчас её глаза были сухими и ясными. Их не затуманивали сомнения.

Светлана озвучила то, что думала, и то, чего сейчас наверняка желала больше всего.

— Именно, — кивнула она без колебаний. — Я думала, мне понадобится какое-то время, чтобы в себя прийти и обдумать всё хорошенько, но твоя реакция и твои слова... Я не вижу причин тянуть с решением. Мы разведёмся.

Михаил позволил себе не торопиться с ответом, пытаясь прочувствовать, как эта фраза ложится на его собственные ощущения.

«Мы разведёмся».

Должно быть, это единственный логический выход. Чувства остыли. Притяжение между ними исчезло. Для чего строить из себя благополучную семью и только длить собственные страдания?

Ведь у него с Алиной ничего никогда не закрутилось бы, если бы в семье всё было так, как прежде. Если бы между ними пылал тот же пожар, который вспыхнул, стоило их глазам впервые встретиться — когда-то юная и живая Светлана

покорила его с первого взгляда, и он больше ни на кого с тех пор не смотрел.

Но суть жизни состоит в переменах и понимаешь это со всей отчётливостью только тогда, когда проживаешь эти самые перемены.

На смену пылу и страсти пришла тихая любовь, незаметно сменившаяся взаимоуважением, за которым больше не оставалось по сути ничего. Они обеспечили себе безбедное существование, они растили сына... Но жизнь состоит не только из этого.

Михаил понял это с особой отчётливостью, когда принял приглашение университета встретиться со студентами и поdiskутировать с ним на тему зелёной энергетики.

Надо сказать, уровень вовлечённости и подкованности в вопросе современной молодёжи его приятно удивил. Ну или это ему так с аудиторией повезло.

Но не это стало самым большим открытием того дня...

— Михаил Александрович, мы бесконечно благодарны вам за то, что вы приняли наше приглашение...

Она говорила и говорила, а он не мог заставить себя сосредоточиться на предмете их разговора. Но решил, что тревогу поднимать рано. В тот вечер Михаил вернулся домой, с удовольствием провёл время с женой, обсуждая за ужином встречу и свои наблюдения. Все, кроме самого главного.

Только спустя какое-то время он обратил внимание на то, что сыну его визит в универ не понравился. Что-то неувови-

мым образом изменилось, но тогда Михаил не мог понять, что именно.

— Ты прямо фурор произвёл, — проворчал Александр спустя пару дней.

— Глупости, — отмахнулся он, усмехнувшись сыну. — Беседа получилась интересной не благодаря моему визиту. Просто публика удачная подобралась.

— Алина... Сергеевна, — с заминкой проговорил сын, — сегодня после пары минут десять расписывала мне, как всё удачно прошло.

— Она же из организаторов, верно? — притворился Михаил, будто почти запомнил эту важную деталь. — Что она у вас преподаёт?

Сын бросил на него тяжёлый взгляд и ответил сухо:

— Этику.

Как иронично.

Да, тогда к этой иронии не примешивалась горечь. Тогда он искренне понятия не имел, что не одному ему Алина Сергеевна Шаповалова в душу запала...

— Ты успела взвесить все за и против? — Михаил поймал взгляд жены, отвлекаясь от воспоминаний.

Он ведь тоже честно пытался ответить себе на вопрос, готов ли к радикальному решению вопроса. Двадцать лет — это не шутки. Заносить топор над браком, в котором столько пережито — и хорошего, и плохого — задача не из лёгких. Даже если тебе есть куда из этого брака уйти.

— Миш, не думаю, что тебя всерьёз интересует этот вопрос, — в голосе Светланы звучала усталость. — Просто я не могу представить себе никакого иного выхода из этого положения. Ты ведь не просто интрижку завёл. Ты сам сказал, у тебя — чувства. Что я могу этому противопоставить? Единственным верным решением с моей стороны будет отойти в сторону и не мешать. Царапаться за тебя с молоденькой девочкой на потеху окружающим я не стану. Как обычно в таких случаях говорят? Я себя не на помойке нашла, чтобы до подобного опускаться.

— Жестковато, не находишь? — Михаил приподнял бровь, с удивлением осознавая, что его почему-то задела внезапная апатия жены к вопросу их расставания.

То есть ей уже по большому счёту всё равно, чем ситуация разрешится. Видимо, для неё двадцать лет брака не настолько долгий срок, чтобы хотя бы день взять на раздумья, прежде чем окончательное решение принять.

— Не жёстче, чем то, что ты мне сказал, — с напускным спокойствием ответила супруга. — «Я влюбился» с порога тоже милосердием не назовёшь. Но мы же с тобой на самом деле не счёты берёмся сводить. Миш, самое во всей этой ситуации тошнотворное — это твоё противостояние с сыном. Я не хочу становиться частью этого четырёхугольника. Осознавать, что ты присвоил себе объект переживаний собственного сына... уволь, я даже слышать об этом больше не собираюсь.

Он видел, как тяжело ей давалось это спокойствие. Видел вновь заблестевшие слёзы в её серых глазах.

— Я сожалею, что всё так получилось.

Светлана отвела взгляд и усмехнулась куда-то в пустоту.

— Ты Сашке это скажи. Уверена, он твоё раскаяние оценит.

— А ты, Свет, о сыне поменьше переживай, — не выдержал он. — Он в этой ситуации далеко не жертва.

И перехватив её удивлённый взгляд, кивнул:

— Я так и думал. Для полной искренности смелости ему пока не хватило.

Глава 10

— Я так и думал. До полной искренности смелости ему пока не хватило.

Светлана нахмурилась.

— Что ты имеешь в виду?

Если бы ему было действительно плевать на то, что будет с его семьёй дальше, он позволил бы себе полную откровенность. Но вопреки тому, что наверняка думали его жена и сын, ему было не плевать, далеко не плевать.

Поэтому в ответ на вопрос жены Михаил лишь многозначительно посмотрел на неё:

— Пусть он сам тебе расскажет.

Её тонкие ноздри раздулись, но она не позволила себе продемонстрировать ему своё раздражение и досаду оттого, что он темнит.

Но ведь он делал это из благих побуждений. Если он примется наусничать ей, рассказывая о выходках сына, кому это принесёт пользу?

— Ты считаешь, такая тактика себя оправдает? — процедила она. — Или поступаешь так потому, что моя сдержанность заставляет тебя поверить, будто я всё проглочу?

— Нет, не считаю, — покачал он головой. — Просто не хочу ещё сильнее ссориться с сыном.

— Вряд ли это возможно, — бросила Светлана. — Но ва-

латься у тебя в ногах и выпрашивать информацию я не буду. Меня больше волнует другое. В течение этой недели давай окончательно решим, как и когда мы разъедемся. Я собираюсь провести новогодние праздники в относительном мире, и все эти мексиканские страсти мне не нужны.

— Я услышал тебя, — кивнул Михаил.

— Этого мало, — жена решительно сжала губы. — Я жду от тебя конкретных действий, Воронов. И если их не предпримешь ты, я сама решу этот вопрос.

Он вряд ли припомнил бы, когда в последний раз видел её такой решительной. Невзирая на всю свою мягкость, дипломатичность и неконфликтность, наступила та самая точка невозврата, за которой его жена не собиралась оставаться в бездействии.

— Хорошо, — кивнул он. — Если ты готова к последствиям нашего расставания, я за этот брак цепляться не буду.

— Благодарю за понимание, — выговорила она, но он услышал, что голос её надломился

Сам стиснул зубы от подкатившей не пойми откуда горечи.

Наверное, стоило бы скорее порадоваться, что их расставание не превратилось в безобразную склоку с громким скандалом и горой битой посуды. Не всем везёт с такой лёгкостью выпутаться из отжившего своё брака.

Вероятно, удовлетворение наступит позже, когда он до конца осознает, что его жизнь действительно изменилась до

неузнаваемости.

Зазвонивший телефон подарил ему уважительную причину завершить разговор, который сейчас всё равно никаких конкретных результатов не принёс бы.

Звонил Артур Гранин, его партнёр по бизнесу.

— Слушаю, — он вернулся в кабинет и прикрыл за собой дверь.

— Воронов, они согласны обсудить новый проект.

— Кто — они? — Михаил потёр висок, пытаясь максимально оперативно переключиться.

Происходившее дома не способствовало его умению сфокусироваться за считанные секунды.

— Волков, ты спишь, что ли? — хохотнул коллега. — «Агрофарм», за которым мы полтора года охотились! Не припоминаешь?

— Да неужели?..

Чёрт, новости были отличные. Но он не мог сейчас насладиться близкой победой сполна. Её отравляли личные трудности.

— Сами позвонили! У них сделка с Ухтомским сорвалась! Не знаю, что там произошло, но ни до чего они не договорились. Подозреваю, так и не смог он гонор свой сбавить и пойти им на уступки. Но мы-то готовы?

Михаил кивнул в пустоту.

— Если они цену за нашу сговорчивость не заломят.

— Ну, это само собой, — с энтузиазмом отозвался Гра-

нин. — У них только одно принципиальное условие — до конца года провести предварительную встречу.

Наконец-то можно было выдохнуть — никаких заоблачных требований с позиции силы.

— Да не проблема. Проведём.

— Неформальную.

— Тем лучше.

— Ну, тогда считай, они у нас в кармане. Встречу, если что, организуют они. На их территории. Просят приехать с семьями, чтобы познакомиться поближе. Настроены на долгосрочное сотрудничество, Воронов. Мы-таки добились их внимания! Короче, готовь свою родню к новогодней поездке!

Глава 11

— Надеюсь, ты пошутил.

— В смысле?

— Пошутил насчёт семей.

— С чего это? — удивился Гранин.

— Что это за формат такой — семейные встречи?

— Они хотят пообщаться в неформальной обстановке.

Хотят узнать нас поближе. Чем живём, что из себя представляем.

— Слушай, если они действительно настроены задушевные посиделки с нами устроить, я вынужден буду это мероприятие пропустить.

В трубке воцарилось молчание.

— Воронов...

Мать-то твою, почему они так не вовремя решили с ними контакты наладить? Столько месяцев они за ними гонялись, условия всякие предлагали — и те нос воротили. И вот сейчас, когда у него в семье разразилась вся эта адская канитель, они вдруг очнулись!

— Максимум, на что я соглашусь — это поездка без родни.

— Поедешь один? За что ты так со своими? Семью не хочешь светить?

Вариантов ответа было не особенно много. Либо он нач-

нёт городить какую-нибудь чушь, только бы уйти от прямого ответа, либо сообщит всё как есть, без лишних фантазий и приукрашивания.

— Я попросту не смогу светить то, чего нет.

— Воронов... ты там в порядке? — осторожно поинтересовался Гранин. — Что за чушь ты несёшь?

— Мы со Светланой разводимся.

На этот раз пауза затянулась на непростительно продолжительный срок.

— Охренеть... — наконец отошёл от ступора Гранин. — И это даже не дебильная шутка...

— Не думаю, что развод — удачный повод для шутки, — холодно отозвался Михаил, про себя отмечая, что всё это очень странно звучит.

Они ведь со Светланой ничего конкретно ещё не решали. То есть она, конечно, объявила о своих намерениях, и он не отыскал причин противиться её решению. Он же видел, что решение она приняла не на эмоциях, не в пылу ссоры. Она всё для себя поняла.

И вот это его тоже скребло. То, что за годы их брака Светлана привыкла всё держать при себе, ничем не выдавать того, что творилось внутри.

И сейчас сложно было сказать, что она испытывала на самом деле. Как сильно переживала о том, что им предстоит. Ведь развод после двадцати лет брака — это целая веха, это событие, от которого просто так не отмахнуться. Это пони-

мал даже он, хоть и считался в их ситуации наименее пострадавшей стороной.

— Твою-то... — от слов Гранина разило неловкостью. — Как не вовремя, а! В смысле, мои соболезнования... как-то дебильно конечно, звучит. Никто, слава богу, не умер, но... блин, это печально. Мне очень жаль...

— Спасибо за участие, — Михаил мучительно раздумывал, как бы перенаправить разговор в нейтральную плоскость.

Не пришлось. Гранин его опередил.

— Даже не знаю, как им теперь всё объяснять.

— То есть? — нахмурился Воронов. — А с какого бы это нам перед ними объясняться?

И только теперь ему стало понятно, почему Гранин в таком замешательстве от ненеожиданных новостей.

— Да я с этими твоими шокирующим новостями и не договорил, — чертыхнулся он. — Они же хотели обсудить ряд совместных благотворительных проектов, которыми фонд супруги твоей занимается. Они очень в них заинтересованы.

Теперь Гранин говорил едва ли не извиняющимся тоном.

— Тут потому о семьях речь и зашла. Я даже не знал, что они Светлану твою мониторили. Собственно, только во время вот этого их звонка и всплыло. Мирошин мне так и заявил, мол, очень хотелось бы пообщаться и перенять опыт по линии благотворительной работы. Типа это как-то поможет им впоследствии влиться в ряд государственных проектов.

Да это шутка какая-то... Причём очень жесткая шутка. До изощрённости.

— Как-то я этого... совершенно не ожидал, — пробормотал Михаил, таращась в одну уточку.

Коллега молчал. Они оба пытались оценить ситуацию с поправкой на новые обстоятельства.

— Слушай... — наконец отозвался Гранин задумчиво. — Понятное дело, что никто тебе развод вменять в вину не собирается, но они реально хотели пообщаться со Светланой. Во-первых, ты обязан её поставить в известность. Во-вторых, если супруга откажется, то на нет и суда нет, верно? Вот, считай, и решили вопрос. Ну а на встречу приедешь сам. Тут как бы без вариантов. Думаю, так будет максимально честно со всех сторон.

— Да. Думаю, да. Я подумаю, — пробормотал Воронов и отключился, раздираемый смешанными чувствами.

В мыслях промелькнула коварная мысль, что ему совершенно необязательно ехать на эту встречу в гордом одиночестве. Да, он разводился. Но он не одинок.

И словно в ответ на эту мысль отложенный на угол стола телефон зазвонил.

Звонила Алина.

Глава 12

— Слушаю, — он постарался игнорировать то, как затрепыхалось его сердце, когда он увидел имя контакта.

До сих пор было сложно поверить, что она тогда ему позвонила. Не сразу. Далеко не сразу. Спустя почти неделю, но он подозревал, такой срок был выдержан намеренно. Алина просто не хотела навязываться и выглядеть подозрительно.

Сейчас проблем с этим, к счастью, не было никаких — он ведь сам сказал ей, звонить ему в любое время.

— Привет, — послышался в трубке её мелодичный голос.
— Не отрываю?

Она, конечно, хотела бы знать, как у него дела после того, что стряслось в универе.

— Нет. Я как раз закончил звонок.

— Ты... как вообще?

— А ты?

Пауза. Его подкупала её попытка всегда и во всём отвечать ему искренне, даже если она порой и не могла сказать наверняка, стоит ли говорить ему всю правду. Сложно сейчас отыскать в ком-то такую же неподдельную чистоту и преданность идеалам.

— Не знаю. Вроде бы... вроде бы нужно испытывать угрызения совести, но я не могу себе врать. Я скорее испытываю облегчение от того, что правда наконец-то раскрылась.

— Тебе никто никаких замечаний не делал?

Он не мог знать наверняка, что успел натворить Александр — ограничился угрозами или всё-таки сболтнул об увиденном не только матери.

— Пока никто ничего не говорил. А ты... ты с Александром уже пообщался?

Ага. Так пообщался, что впечатлений хватит ещё очень надолго. И это ведь ещё только начало борьбы. Он слишком хорошо знал своего сына, чтобы поверить в то, что он с лёгкостью отступит и сдастся на милость припёрших его к стене обстоятельств. Даже если изменить эти обстоятельства совершенно не в его силах.

— Мы поговорили, но это мало что дало.

— Он... сильно расстроен?

— Можешь представить, — невесело усмехнулся Михаил.

— Не хочу тебя сильно расстраивать, но лучше тебе приготовиться к тому, что он никогда этого не примет и не поймёт. Он... видимо, он действительно очень к тебе равнодушен.

Он услышал тяжёлый вздох, после которого воцарилось недолгое молчание.

— Почему в жизни всё обязательно должно быть так сложно... Почему люди не могут просто любить друг друга и ни у кого не просить за это прощения.

— Хороший вопрос, — Михаил потёр лоб над бровью, стараясь настроиться на конкретику.

Его не сильно привлекали пространные размышления и

рефлексия, которая ничего, кроме новых раздумий и головной боли, не приносила.

— Слушай, мне тут предложение поступило...

— Какое предложение? — в голосе Алины тут же зазвучала подозрительность.

— От коллеги. У нас на носу заключение очень крупной и очень важной сделки. Нас приглашают на неформальную встречу — пообщаться, пообтереться с будущими партнёрами. Потенциально долгосрочными, поэтому эта встреча крайне важна.

— Понимаю, — осторожно вставила она, хотя вряд ли, конечно, понимала, куда он на самом деле клонил.

— И, в общем. У меня есть два варианта, — он уже предвкушал её удивление.

Алину вообще было легко удивить и порадовать. Нежная провинциалка, перебравшаяся в столицу пять лет назад, до сих пор умудрилась не растерять своей наивности и восторженности.

— Я могу поехать в гордом одиночестве или в компании.

Она отозвалась не сразу. Закрыв глаза, он без труда мог представить, как на её красивом лице отобразилась работа мысли — вероятно, приправленная разочарованием, в котором она никому не стала бы признаваться. Алина до сих пор не чувствовала себя вправе считать его своим. Стеснялась и робела. И это лишь сильнее влекло его к ней.

— Ты... хочешь сказать, поедешь с супругой? Михаил, ес-

ли это так, то ты не обязан ничего мне объяснять...

— Глупенькая, — усмехнулся он, довольный тем, что предугадал её реакцию. — Я могу поехать либо один, либо с тобой. Что выбираешь?

Глава 13

— Я?.. — её голос в трубке сейчас звучал едва слышно.

И ему нестерпимо захотелось оказаться с ней рядом, чтобы не только услышать, но и увидеть это удивление, насладиться им и в полной мере осознать, что это полностью в его власти — удивлять её и радовать.

Может быть, он так чувствовал потому что их встреча началась с удивления. Оказывается, до личной встречи Алина ничего не знала о Михаиле Воронове. Она потом сама признавалась, что рисовала его себе совсем по-другому и даже испытывала за свою неосведомлённость немалый стыд.

— Я ведь была одним из организаторов встречи, — оправдывалась она, пробежавшись своими нежными пальчиками по его груди. — И даже не удосужилась в интернет заглянуть. Знала только самую общую информацию.

Эффект неожиданности в итоге сработал в его пользу. Алина рисовала себе оплывшего мужика средних лет, скрывавшего недостатки фигуры за дорогой тканью пошитого на заказ костюма.

Откуда ей было знать, что отец одного из её студентов тщательно следил за собой, четыре утра в неделю начинал с тренажёрки и невзирая на статус солидного семьянина, не собирался соответствовать привычным шаблонам.

— Ты стал настоящим сокрушителем стереотипов, —

шепнула она, доверчиво прижимаясь к нему и счастливо вздыхая после того, как он в очередной раз сумел ей доказать, что его очень рано списывать на скамью запасных. Тем более что с этой скамьи обычно уже никого никогда не выпускают.

Вот и сейчас он в очередной раз сумел её удивить и предвкушал её очевидные сомнения.

— Михаил, боюсь, выбирать не я должна, — ответила она наконец осторожно. — Мы ведь... мы же официально не пара. Только ты не подумай, что я тебе это в упрёк! Я просто к тому, что ты же не можешь на такую важную встречу приехать с какой-то девицей. Ведь меня именно так после этого все и назовут. Я... я не хотела бы. Слишком много рисков, ты же сам понимаешь.

Ну вот, опять она включала зануду-училку, которая доказывалась до каждой мелочи, до каждой детали. Неужели до сих пор не поняла, с кем её связала судьба?

— Алина, если я говорю, что выбор за тобой, я не шучу и не пытаюсь тебя впечатлить. Я не один из твоих студентиков, отчаянно пытающихся любыми способами добиться твоего внимания.

— Я это знаю, — печально отозвалась она, не оценив его сухой иронии. — Но... ты тоже должен понять. Михаил, для всех вокруг ты до сих пор женатый человек. И вдруг привозишь с собой на встречу какую-то незнакомку? Как это будет выглядеть?

Михаил поморщился. Стоило бы сразу догадаться, что она первым делом напомним ему именно об этом. Об очевидном.

— Ты думаешь, хоть кому-нибудь там есть до этого дело? — усмехнулся он.

— А... а как же репутация? — недоумённо пробормотала она.

Её наивность и чистота порой немало его забавляли.

— Там, где водятся большие деньги, никому нет дела до твоей репутации.

Прозвучало, конечно, цинично, зато он говорил правду, а не пытался подыгрывать её непрактичной наивности.

— Извини за прямоту, но это лучше, чем пытаться придумать что-то, чего на самом деле нет. Это деловые партнёры, и моя личная жизнь будет интересовать их в последнюю очередь.

Алина помолчала, а потом сказала — тихо, но твёрдо.

— Хорошо. Я поняла. Может, это и так. Может, их она действительно не интересуется. Зато интересуется меня. Я никогда в мире больших капиталов не жила, и мне моя репутация важна, Михаил. Я и так ею рискую. Надеюсь, ты понимаешь.

Мягкая сила. Алина — сознательно или бессознательно — умела ею пользоваться, чтобы добиться желаемого. Но в случае с ним учитывать его планы, мысли и желания ей всё-таки приходилось.

— Понимаю, — ответил он твёрдо. — И не вижу никаких

причин для беспокойства.

Алина вздохнула.

— Я могу задать бестактный вопрос?

— Ты любой вопрос мне можешь задать.

— Почему ты не едешь с женой? Она отказалась?

Этот вопрос ударил его по больному. Гранин ведь упомянул, что партнёры жаждут пообщаться не только с ним, но и со Светланой.

Чёртов фонд. Будь он неладен.

— Не отказалась. Она о поездке не знает. Ещё не знает,
— поправился он. — Мы с ней об этом пока не говорили.

— Господи... — выдохнула Алина. — Михаил, тогда я вообще не вижу смысла обсуждать твоё предложение. Поговори сначала с женой!

Глава 14

— Алин, — нахмурился Михаил. — Вот уж не ожидал, что ты примешься мне разнарядку давать.

Ему такое своеволие не понравилось. И даже не столько потому что он считал себя стопроцентно ведущим в этих новых для себя отношениях, сколько потому что требование Алины уязвило его в самую совесть.

Справедливости ради — и об этом сейчас настойчиво бубнил ему холодный разум — он в первую очередь действительно должен был, хотя бы для проформы, сообщить о потенциальной поездке жене. В конце концов Гранин всё чётко по полочкам ему разложил. Нравилось ему такое положение дел или нет — уже десятый вопрос. Факты были непреклонны — Светлану хотели видеть на этой встрече. И даже не потому что она по-прежнему числилась его законной супругой. С ней хотели обсудить дела фонда и возможные перспективы сотрудничества в этой области.

Отмахнётся от этого сейчас в угоду своей внезапно вспыхнувшей страсти и... как его после такого можно называть серьёзным бизнесменом?

Чувства — отдельно, бизнес — отдельно. По-другому тут быть не могло.

И вот Алина сама тыкала ему в эту оплошность, да ещё и без особого пиетета.

— Хм.

— Что? — нервно отреагировал она на его хмыканье в трубку. — Ты со мной не согласен?

Он позволил себе непродолжительную паузу, чтобы ответить без спешки и не давать ей поводов думать, будто его эта ситуация всерьёз зацепила.

— Да вот думаю... если ты сейчас так строго мне за мои ошибки выговариваешь... что же будет потом?

Алина тоже помолчала. Наверняка обдумывала его прозрачный намёк на перспективу их отношений. Он надеялся, что её такой настрой скорее порадовал, чем насторожил.

— Знаешь, я пытаюсь далеко не заглядывать, — отозвалась она.

Ну вот просто сама предусмотрительность.

Видимо, он один в их паре не спешил осторожничать и сейчас пытался определить, в чью пользу был этот неожиданный перекося.

— Зря, — отрезал он, но углубляться в детали не стал. — Но ты права. Мне стоило самому об этом подумать. Это не значит, что я своё приглашение отзываю или что мой предстоящий разговор с женой что-то изменит. Но принципиальности и честности ради...

— Михаил не делай мне одолжение, — попросила она. — Ситуация и без того очень неоднозначная, а я чувствую себя коварной разлучницей. Я об этом тебе уже говорила. Мне совершенно не нравится эта роль, и я примерять её на себя

не хочу.

— Я слышал тебя, — ответил он, не позволяя эмоциям просочиться в свой голос. — И ты неправа, принимая эти слова на свой счёт.

— А как я могу их не принимать? — вырвалось у неё. — Ты же надеюсь, помнишь, что я преподаю у твоего сына. И с этим тоже нужно считаться. Александр никем иным меня теперь не считает.

— Тебе так важно мнение взбалмошного мальчишки, возомнившего себя твоим верным поклонником, который жить без тебя не может?

— Не нужно так, — в нежном голосе прорезались стральные нотки. — Не нужно, Михаил. Он твой сын.

И теперь все подряд будут ему этим пенять. Он об этом факте вообще-то и не забывал ни на минуту!

— Я не так своего сына воспитывал. Я не такой пример ему подавал.

Он замолчал, потому что и сам уже понял — фраза вписывалась в контекст ситуации крайне хреново.

Можно подумать, сейчас он был образцом для подражания. И что хуже всего, он пока так до конца и не понимал, как откатить отношения с сыном хотя бы до стадии прохладного отчуждения, на которой они пребывали, когда у Александра прорезались первые подозрения о возможной связи отца и его обожаемой преподавательницы этики.

Твою-то мать, да как всё могло в одночасье так сильно

запутаться! До того сильно, что искренне не радовали даже самые радостные новости! Всё вокруг сейчас отравляли эти разборки — с эмоционировавшим сыном и холодной женой.

— Думаю, это сейчас совершенно не важно, — тихо ответила Алина. — Важно то, что ты будешь делать сейчас, в сложившейся ситуации. И терять в ней лицо — не лучший выбор. Как думаешь?

Михаил скрипнул зубами. Она снова исподволь его поучала. Мягко, почти незаметно тыкала его носом в его неправоту.

Пусть потом кто-нибудь только попробует заикнуться, мол, вот такие молоденькие ни черта в жизни не разбираются, ни черта не понимают.

— Думаю, что мы этот разговор ещё продолжим, — сказал он наконец, не желая ещё и с ней разводить споры. — После того, как я со Светланой поговорю. Но Алина... запомни, я своего решения не отменяю. Если я хотел бы с кем-то поехать на эту встречу, я поехал бы только с тобой. Ты меня слышишь?

— Слышу, — в её ангельском голосе послышалась улыбка. — И я это очень ценю. Но для начала поговори с женой. Прежде чем принять твоё приглашение, я должна понимать, на что себя обрекаю. Не хотелось бы портить новогодние праздники ни себе, ни окружающим.

Попрощавшись и опустив телефон, он какое-то время смотрел на потухший экран.

— Будь по-твоему, — проговорил в пустоту и отправился исправлять свою оплошность.

Правда, когда он разыскал Светлану и сообщил ей вводные данные, сложно было сказать, тянет ли его поступок на исправление.

Жена, застывшая в дверях ванной с мокрым полотенцем в руках, смотрела на него как на сумасшедшего. На её бледном лице без следа косметики читалось откровенное изумление.

— Новогодняя встреча? С твоими партнёрами?.. И с кем? С твоей новой любовью наверняка? — проговорила она едва слышно, но так, что он без труда слышал каждое слово. — Воронов, ты что... ты издеваешься?

Глава 15

— Воронов, ты что... ты издеваешься?

Я смотрела на мужа, а в голове до сих пор звучал его голос, озвучивший самое нелепое, наверное, за всю мою жизнь предложение.

И ладно бы только нелепое. Но оно ещё и до невозможности унижительное. Если, конечно, дела обстояли именно так, как я их себе представляла.

— Я всего лишь озвучил тебе то, что мне передал Гранин, а ему — представители «Агрофарма», — мрачно выговорил супруг. — Ты думаешь, я сам не понимаю двусмысленности ситуации?

— Понятия не имею, — пробормотала я, комкая в руках полотенце. — Сегодня я поняла только то, что мы с тобой слишком по-разному мысли и вообще видим мир по-другому. Вот тебе и двадцать лет брака.

Он проглотил эту «шпильку», то ли признавая мою правоту, то ли не желая попусту спорить. Я видела, что ему важен мой ответ. А это могло значить только одно — Михаил действительно собирался отправляться на эту встречу далеко не в гордом одиночестве.

От этого понимания защемило в груди. Но нужно уметь держать удар. Это едва ли не самое важное. Выстоишь — выживешь. Позволишь себе раскиснуть — сама виновата. За

тебя никто осколки твоего разбитого сердца собирать не будет. Это твоя обязанность, больше ничья.

— Так что ты ответишь?

Хорошо, что Воронов не мог видеть, как конвульсивно сжались мои пальцы под полотенцем.

— А ты? — вернула я ему вопрос. — Дай мне честный ответ: ты туда как собираешься ехать?

— Пока не решил.

— Понятно, — шепнула я, получив подтверждение своих подозрений. — То есть мне предлагается отправиться туда как? В качестве прицепного вагона к твоему парадному поезду? Я в каком статусе там появлюсь?

— В статусе равноправного партнёра, — отчеканил супруг, не желая прогибаться под моими обличающими вопросами. — Ты тесно связана с делами фонда, ты знаешь многое из того, чего я не знаю. Тем и ценна в переговорах. И здесь не кроется ничего, кроме голых фактов. Если ты совершенно в этом не заинтересована и собираешься после развода всё бросить, включая фонд, тогда на этом можем и завершить разговор. Он неактуален.

Вот так на самом деле легко было припереть меня к стенке. Мы с Вороновым были повязаны по рукам и ногам, и выпутаться из этого клубка в одночасье никак не получится. Тут вопрос только в том, с какими потерями для сторон этот процесс завершится.

Наша скорбная эпопея лишь начиналась. И на всём её

протяжении мне придётся принимать решения, переступая через себя — через свою гордость, через свои понимания о приличиях и через всё то дерьмо, которое будет валиться на нас в ближайшее время.

А оно будет — Воронов достаточно заметная фигура в обществе, чтобы всё прошло тихо и мирно, без лишних скандалов.

О вовлечённости в это сына я сейчас старалась вообще не вспоминать. Сашка виделся мне бомбой замедленного действия. Его взрыв эмоция сегодня в разговоре с отцом — это ещё даже не взрыв. Это только прелюдия к тому, что могло разразиться.

— Не ожидай от меня мгновенного ответа, — процедила я. — Особенно когда сам стоишь на перепутье. Или ты собирался принимать своё решение с оглядкой на моё?

Мой каверзный вопрос муж отмёл как несостоятельный.

— Мне слишком многое нужно будет уладить и утрясти, прежде чем давать окончательный ответ, — заявил он, и мне в его голосе слышались спесивые нотки.

— Аналогично — бросила я, сама в душе недоумевая, зачем я упираюсь.

Я ведь не собираюсь ехать на эту идиотскую встречу, верно?

Не сейчас, когда моим единственным желанием на Новый год было закрыться на все замки, улечься в самом дальнем углу и впасть в гибернацию — ничего не видеть и не слы-

шать. Замереть и отключить даже мысли и чувства. Просто для того, чтобы выжить под гнётом всего, что на меня умудрилось свалиться.

— Ладно, — выдохнул Воронов и смерил меня взглядом, давая понять, что оценил моё упрямство. — Спешка ещё никого до добра не доводила. Возьми пару дней на раздумья. Гранина я поставлю в известность, что ответ от нас будет на днях. Такой вариант устроит?

Смотри-ка, практически одолжение.

— Я отвечу, когда буду готова. А теперь оставь меня в покое, пожалуйста, — потребовала я, чувствуя ломоту во всём теле. — Мне нужна от тебя передышка.

Воронов стиснул зубы. Он и это, конечно, проглотит. Всё ради того, чтобы обеспечить себе новую жизнь, поскорее и, желательно, без последствий отделившись от старой. Во всех отношениях старой.

Я прикрыла глаза, понимая, что сама сейчас царапаю себя этой ржавой иглой. Нельзя доводить себя до самоистязания. Это верная дорога вниз по спирали безумия.

— Мне тоже передышка не помешала бы, — проговорил он со значением.

Но мне такая заноза причинить вреда уже не могла.

— Вот и передыхай, — ответила я и, оттолкнув его плечом, отправилась в спальню.

С чётко рассчитанной неспешностью прикрыв за собой дверь, я всем телом прислонилась к прохладной деревянной

поверхности закрытой двери и медленно выдохнула.

Хотелось опуститься на пол и растечься там бесполезной лужицей. Превратиться в ничто, потому что ничто и испытывать ничего не смогло бы.

Что мне делать? Как выйти из этой ситуации с гордо поднятой головой, если меня сами обстоятельства, словно сговорившись, пытались загнать в ловушку?

Новогодняя встреча? Со мной? Это не издевательство и не шутка? Мне предлагали поучаствовать в чём-то, что потенциально влекло за собой сотрудничество отдельно от человека, который вот-вот перестанет быть неотъемлемой частью моей жизни. С финансовой точки зрения это слишком хорошо, чтобы быть правдой...

Я обвела больным взглядом комнату, выискивая свой телефон.

Видимо, сама я с грузом этой информации не справлюсь. Мне срочная помощь нужна.

Глава 16

— Выглядишь ты...

Подруга окинула меня внимательным взглядом, под которым я невольно поёжилась. Наверное, никогда я ещё не ждала её вердикта с замиранием сердца.

Может, для кого-то и глупость, конечно, а я сегодня, пока на встречу с Татьяной собиралась, не могла заставить себя в зеркало посмотреть.

Мне всё казалось — произошедшее вчера написано у меня на лице, въелось в каждую пору, залегло новыми морщинами, проявило мой возраст. Приятно было, конечно, время от времени получать комплименты, что я на свой возраст не выгляжу, но с каждым годом это всё чаще воспринималось как пустые слова.

А сейчас... а сейчас я получу беспощадно честный ответ от подруги, которая единственная не стала бы скрывать правду. Даже если правда эта ранит меня. Может, потому я с Таней так долго и дружила. Все остальные подружки растворились, разбрелись по собственным жизням, и только Татьяна всегда готова была выслушать и поддержать. И виделись мы с ней чаще, чем можно было бы ожидать от подруг со своими занятыми жизнями.

— Не тани, — сдаюсь, комкая край белоснежной скатерти. — Говори как есть.

Украдкой поглядываю по сторонам. В элегантном кафе, из окон которого проникает подсвеченный валящим снегом сумрачный свет зимнего дня, почти пусто.

— Уставшей, — со вздохом завершила фразу Татьяна. — Очень уставшей. Будто всю ночь не спала. И по тебе табун орущих кошек промчался.

— Решила прибегнуть к образным выражениям, чтобы самолюбие моё пощадить? — усмехнулась я мрачно. — А я-то думала, ты за честность.

Татьяна состроила рожицу, мол, не приставай и довольствуйся этим.

— Я ни словом против истины не покривила. Ты выглядишь уставшей и не выспавшейся. Или ты от меня какой-нибудь особенной жести сегодня ждёшь? — прищурилась она.

Я вздохнула и покачала головой.

— Нет, если честно. Жести мне и вчера, пожалуй, хватило.

— Так... — Татьяна подобралась, без труда расслышав в моем голосе приближающуюся драму. — Так, чую трагедь. Давай сначала чаю крепкого закажем, а потом ты мне всё в подробностях и расскажешь.

Когда она произнесла эти слова, я с удивлением обнаружила, что моей первой, почти рефлекторной реакцией было сорваться с места и убежать. Я даже застыла на миг, регистрируя это странное состояние. Что-то во мне вдруг взбунтовалось первоначальному намерению выложить всё начи-

стоту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.